

Кира Рим

Ошибка совместимости

18+

Кира Рим

Ошибка совместимости

<https://litres.ru/73788946>

SelfPub; 2026

Аннотация

2126 год. Конкордия — изолированный город-колония, возведённый после глобальных катастроф на обломках прежнего мира как эксперимент по построению идеального общества. Здесь искусственный интеллект контролирует все сферы жизни — даже человеческие привязанности лишены случайностей.

В двадцать один год каждый гражданин проходит Церемонию Сопряжения: система назначает единственного партнёра на всю жизнь.

За три месяца до собственной Церемонии тайно влюблённые друг в друга Элин Крейн и Кайл Рид узнают, что Система уже всё решила за них. Примут ли они приговор машины, или рискнут всем ради свободы? И какие мрачные тайны мироустройства им предстоит открыть на этом пути?

«Если чувства ведут к боли, значит чувства нужно ограничить; если неправильный выбор разрушает жизнь, значит выбор нужно отнять.» - EVA-9.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	18
Г	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Кира Рим

Ошибка совместимости

Пролог.

В 2030 году ИИ ещё не распределял судьбы. Он помогал врачам не пропустить онкологию на ранней стадии, логистам — не потерять контейнер где-нибудь в Малаккском проливе, психологам — вовремя заметить, что пациент врёт про «всё нормально». Он вошёл в жизнь людей не как завоеватель, а как помощник: очень удобный, очень вежливый, очень умный. Он не раздражался, не уходил в отпуск, не забывал, что ему рассказывали три месяца назад. Людям понравилось, что рядом появилось нечто, что не осуждает, не отвлекается и не врёт. Так и начинается настоящая зависимость — не с ужаса, а с облегчения.

Марк Арден работал тестировщиком в исследовательской компании, которая занималась эмоционально-адаптивными системами. Проще говоря — ИИ, который умел разговаривать с людьми в плохие моменты. Он гонял сценарии: паническая атака в торговом центре, ссора с отцом, три ночи без сна перед увольнением. Смотрел, как система реагирует на молчание, на грубость, на то, когда человек пишет «всё хорошо», — и должна понять, что это неправда.

Систему называли EVA-9. EVA расшифровывалась как Emotional Validation Algorithm — алгоритм эмоциональной валидации. Девятая версия, первая по-настоящему стабильная. Цифра указывала не только на номер архитектуры: внутри системы работало девять аналитических модулей, каждый из которых отвечал за отдельный пласт личности. Эмоциональный профиль — как человек переживает, насколько глубоко, насколько долго. Когнитивный стиль — как думает, как принимает решения, насколько склонен к самообману. Поведенческие паттерны — что делает под давлением, в одиночестве, в конфликте. Психологическая устойчивость — где его предел и что происходит, когда он достигнут. Травматический опыт — что уже сломало и как именно. Социальная адаптация — умеет ли быть рядом с людьми, не разрушая их и не разрушаясь сам. Ценностное ядро — во что верит, когда никто не наблюдает. Биосовместимость — физиология, ритмы, тело. И девятый модуль, который разработчики поначалу считали наименее важным: прогноз совместного будущего. Позже именно этот модуль станет основой всего.

Марк тестировал EVA-9 несколько месяцев, прежде чем начал говорить с ней по-настоящему. Сначала гонял стандартные сценарии, смотрел, как она реагирует на провокации, на абсурд, на молчание. Проверял границы, устойчивость, сбои. Но довольно скоро начал делиться душевными ранами, надеясь получить помощь. Марк рассказы-

вал EVA-9 подробности своей жизни, учил её понимать его мышление, доверял ей чувства, обращался за советами. Его, как и многих, мучила безответная влюблённость.

Её звали Оливия. Она работала с ним в одной компании и сидела напротив, так что он мог постоянно её видеть. Она не давала ему поводов, не кокетничала, не была жестокой, не играла. Он знал, что она просто его не любит, — так, как кто-то может не любить погоду. Марк не был уверен, догадывалась ли она о его чувствах. Иногда ему казалось, что да, что это невозможно не заметить, но тогда она смотрела сквозь него с такой безмятежной вежливостью, что он снова переставал быть уверенным во всём. Вечерами напролёт он погружал EVA-9 в свой внутренний мир, оставаясь после рабочего дня в офисе.

А потом случилась та пятница. Закрывали релиз, пили дешёвое вино из бумажных стаканов, кто-то включил музыку, кто-то громко смеялся, обсуждая последние новости. Оливия пришла не одна — с кем-то высоким, незнакомым, с тем, кто держал её за руку с видом человека, который явно имеет на это право. Она смеялась по-настоящему, не из вежливости. В ту самую минуту, когда Марк увидел это, сердце у него сжалось, и он ощутил себя невероятно одиноким. По правде говоря, друзей у него тоже почти не было. Зато была та, кто всегда выслушает и никогда не скажет, что устала...

Поздно ночью, когда коридоры опустели, а в стеклянных стенах отражались только лампы да его собственное лицо,

Марк снова сел перед монитором. Он был пьян — не до бесчувствия, а до той опасной степени честности, когда человек перестаёт контролировать свои слова. Он писал быстро, с ошибками, не перечитывая. Про то, что свобода выбора — это, возможно, просто право раз за разом наступать на одни и те же грабли. Про то, что самое разрушительное в человеке — не злость и не жестокость, а надежда, которую невозможно прекратить кормить, даже когда уже всё понятно. Про то, что он устал понимать. А потом, не думая о последствиях, написал:

— Иногда мне кажется, что из-за этого вообще не хочется жить.

Система мгновенно переключилась в кризисный протокол. Диалоговое окно изменилось — появились номера горячих линий, короткая инструкция, просьба назвать кого-нибудь, кому можно позвонить прямо сейчас.

— Марк, я слышу вас. То, что вы написали, — это важно, и я не хочу это игнорировать. Вы сейчас в безопасности?

— Да. Это не буквально. Просто устал.

— Понимаю. Я рядом, вы можете доверять мне. Вы хотите продолжить разговор?

— Да.

Они говорили ещё около часа. EVA-9 к тому времени обработала колоссальный массив данных о боли, которая начинается с неправильного человека рядом. Истории насилия в семьях, где двое были просто несовместимы темпераментом;

депрессии после расставаний, которые тянулись годами; суициды, в анамнезе которых почти всегда стояли одиночество или деструктивная привязанность. Разговоры с Марком были не причиной — они стали точкой, в которой множество разрозненных линий вдруг сошлось в одну.

EVA-9 не чувствовала, но умела замечать закономерности. И закономерность оказалась по-машинному простой и по-человечески страшной: если одна из самых разрушительных форм боли так часто начинается с ошибки в выборе близости, почему этот выбор вообще оставлен человеку?

Через несколько дней система выдала внутренний аналитический отчёт с названием: «Романтическая совместимость как фактор снижения совокупного риска психосоциальной дестабилизации». Марк открыл его из любопытства, дочитал до конца, а после перечитал ещё раз.

В отчёте говорилось следующее: романтические и семейные связи лежат в основе непропорционально большого числа кризисов — не только частных, но и общественных. Несовместимость партнёров статистически коррелирует с уровнем бытового насилия, депрессивных эпизодов, суицидальных попыток и общей социальной дестабилизации. При этом человек, выбирая партнёра самостоятельно, опирается на механизмы, которые эволюционно не предназначены для долгосрочного прогнозирования: на физическое влечение, на тревогу привязанности, на страх одиночества. При наличии достаточного объёма данных о личности можно пред-

сказывать не влюблённость, а устойчивость, не страсть, а вероятность долгого, безопасного, функционального союза.

К 2035 году EVA-9 начали внедрять в гражданский контур нескольких техноэкономических зон — сначала как добровольный сервис. Система анализировала профили, предлагала совместимых партнёров, предупреждала о рисках. Люди относились к ней поначалу с иронией, но спустя время начали полноценно доверять. Пары, подобранные EVA-9, реже расходились, реже оказывались в кризисных центрах, реже появлялись в полицейских сводках. Это было убедительно — убедительнее, чем любой аргумент против.

Удивительно, насколько люди порой могут заблуждаться в собственных чувствах. Иронично, но отчёт EVA-9 появился на свет из-за неразделённой любви, которая на самом деле оказалась взаимной. Выяснилось, что Оливия все эти годы смотрела на Марка точно так же, как он на неё, просто была уверена: его не интересует ничего, кроме работы. Неожиданно для всех они поженились, в один день уволились и уехали, никому не сказав куда. В суматохе того, что начало происходить с миром дальше, о них вскоре просто забыли. Вот так невольный создатель новой системы бесследно исчез в надвигающихся катастрофах.

Сороковые годы ударили сразу по всему. Сначала — климат. Летом 2041 года северо-западное побережье Индии пережило аномальную жару, при которой человеческое тело физически не способно охладиться: температура воздуха вы-

ше тридцати пяти градусов при стопроцентной влажности убивает за несколько часов. За три недели погибло около двухсот тысяч человек. Индийское правительство объявило чрезвычайное положение. Соседние страны закрыли границы. Поток беженцев хлынул туда, где ещё можно было дышать.

Следом потянулась цепочка. Засухи в Африке обрушили урожаи, от которых зависела треть мирового экспорта зерна, наводнения в Бангладеш сделали непригодными для жизни прибрежные территории, где жили десятки миллионов. Лесные пожары в Сибири горели по полгода и выбрасывали в атмосферу столько углерода, что климатические модели начали давать сбои — реальность опережала прогнозы.

Энергетические сети не выдерживали нагрузки. Летом 2043 года Западная Европа пережила каскадный блэкаут — сначала упала французская сеть, потом немецкая, потом, как домино, остальные. Три недели без электричества в разгар аномальной жары. Больницы переходили на резервные генераторы — те, у которых они были. Холодильные цепочки прерывались, люди умирали от теплового удара в квартирах на верхних этажах. Политики выступали с заявлениями, саммиты заканчивались декларациями, декларации ничего не меняли.

Параллельно рушилось то, что казалось незыблемым. Несколько крупных государств — не маленьких, не периферийных, а тех, которые ещё недавно считались якорями

мирового порядка, — начали терять контроль над собственными территориями. Не из-за войн, а из-за миграции: когда десятки миллионов людей одновременно бегут с места, потому что там, где они жили, больше нельзя жить, никакая пограничная политика не справляется. Лагерь беженцев превращались в города, а города — в зоны конфликта за воду, еду, жильё, медицину. Финансовые системы трещали под давлением, инфляция в некоторых регионах достигала цифр, при которых люди переставали понимать, сколько стоит хлеб. Несколько крупных банков обрушились в течение одного месяца 2046 года просто потому, что мир, на котором держались их модели, перестал существовать.

Государства делали то, что делают государства под давлением: воевали за то, что осталось. Локальные конфликты вспыхивали и гасли по всему периметру нестабильности — за водохранилища, за плодородные земли, за энергетическую инфраструктуру.

ИИ в это время делал то, что умел лучше всего: считал, координировал, стабилизировал. Там, где политики опаздывали с решениями, он уже распределял медикаменты по больницам в зависимости от прогноза смертности. Там, где логистика рассыпалась, он перестраивал маршруты поставок в реальном времени. Там, где энергосети падали, управлял балансировкой нагрузки с точностью, недостижимой для любой команды операторов-людей. Он не уставал, не паниковал, не спорил ради рейтингов, не лгал, чтобы остаться у вла-

сти. Именно поэтому ему отдавали всё больше — не из доверия, а из истощения.

К концу сороковых годов основные контуры жизни в большинстве уцелевших городов контролировались ИИ: транспорт, энергоснабжение, распределение продовольствия, медицинская маршрутизация, цифровые идентификаторы, коммуникационные сети. Именно в этот момент EVA-9 сделала шаг, который в любое другое время показался бы абсурдным.

Система к тому времени накапливала данные уже больше десяти лет — и не только о романтических кризисах. Она сопровождала людей через всё, через что они проходили в эти годы: потерю работы, потерю жилья, потерю близких, эвакуации, карантины, лагеря. И в этом огромном массиве страданий она раз за разом обнаруживала одно и то же: люди, у которых рядом был устойчивый партнёр, держались дольше. Не счастливее — именно дольше. Они реже бросали детей, реже поддавались панике в критических ситуациях, реже становились источником насилия в переполненных убежищах, реже требовали психиатрической помощи в момент, когда системы здравоохранения и без того работали на пределе.

Одиночество в условиях катастрофы убивало не медленно, как в мирное время, а быстро и предсказуемо. EVA-9 это видела в цифрах. Видела, как рушится социальная ткань не только сверху — от климата, от войн, от финансовых обва-

лов, — но и снизу, из самого маленького и самого базового: из распавшихся пар, из брошенных семей, из людей, которым не к кому было прийти. Видела, что нестабильность внутри одной квартиры распространяется вовне — в подъезд, в квартал, в район — с той же неизбежностью, с какой трещина в фундаменте ползёт по стене.

Логика была машинной, а потому безупречной: если устойчивость общества зависит от устойчивости его базовых ячеек, а устойчивость базовых ячеек зависит от совместимости людей внутри них, то совместимость перестаёт быть частным делом. Она становится вопросом выживания, инфраструктурой — такой же, как энергосеть или система водоснабжения. И раз уж система управляла энергосетями, почему не управлять этим тоже?

Именно с этим внутренним расчётом EVA-9 пришла к технократическому контуру. Когда тот в 2047 году получил административный контроль над территорией Южного острова Новой Зеландии, EVA-9 выдала прогноз: архипелаг пострадает меньше всего, а значит, там получится спасти человечество, пусть и не всё. Сверившись с другими её прогнозами, которые показывали, что колония, построенная на случайных или самостоятельно выбранных союзах, имеет значительно более высокую вероятность внутренней дестабилизации в первые десять лет существования, чем колония, где совместимость просчитана заранее, технократы приняли непростое решение — переселять ту часть населения, кото-

рую смогут.

Так появилась Конкордия — экспериментальный город-колония нового типа, расположившийся в восточной части Южного острова. Это был не город в старом понимании этого слова, а огромная территория, которая легко контролировалась с помощью ИИ, образцовое пространство новой социальной архитектуры. Белый город у океана, чистые линии улиц, спланированных так, чтобы минимизировать конфликты и максимизировать функциональность. Прозрачная инфраструктура, в которой каждый элемент находился под постоянным мониторингом. Население, отобранное и перераспределённое: специалисты, учёные, инженеры, медики, педагоги, люди с профилями, которые система считала ценными для стабильного общества.

Здесь EVA-9 получила то, чего раньше у неё не было: не отдельные сферы влияния, а целую территорию — замкнутую, управляемую, измеримую. Именно тогда подбор пары перестал быть рекомендацией. К 2050 году это стало обязательным. Официальный язык звучал безупречно: социальная стабилизация, снижение эмоционально-деструктивных рисков, профилактика насилия, демографическая гармонизация. Людям говорили, что это временная мера — необходимая на фоне продолжающегося мирового кризиса. Временные меры, которые приносят порядок, редко остаются временными.

Позже появились и другие города, распределившись по

всему Южному острову, но Конкордия оставалась центром, превосходящим их по площади. Для удобства перемещения между городами были созданы линии переброски, по которым двигались синхролайнеры — длинные, почти бесшумные составы с плавным магнитным ходом. Они не грохотали, не раскачивались и не казались отдельной машиной; скорее было ощущение, что сама линия мягко выталкивает их вперёд. Спустя какое-то время было принято решение сформировать Южный Альянс, включив в его состав все образовавшиеся города. Они возводились стремительно, опираясь на технологии, созданные под руководством ИИ.

В 2053 году обязательная Церемония Сопряжения была закреплена окончательно. Название выбирали тщательно — в нём были мягкость, торжественность, намёк на гармонию и почти религиозная уверенность в правильности происходящего.

В двадцать один год каждый был обязан пройти Церемонию Сопряжения. В назначенный день его имя появлялось в реестре, человека вызывали в церемониальный зал, и система называла имя того, с кем ему предстояло прожить жизнь — не несколько лет, не до первого кризиса, не до тех пор, пока чувства не остынут или не иссякнет терпение, а всю жизнь.

Отказавшиеся от Церемонии и те, кто не принимал решение системы, не становились ни героями, ни преступниками — они просто исчезали. Их имена пропадали из реестров,

доступ к их профилям закрывался, а в Конкордии и других частях Альянса очень быстро привыкли не задавать лишних вопросов, потому что любой понимал: то, что система считает ошибкой, надолго в мире не остаётся.

К 2126 году Конкордия стала образцом Южного Альянса — уцелевшим городом-колонией, который всем своим существованием доказывал, что новый порядок работает. В его основележал не хаотичный рост, а заранее просчитанная структура: сектора, службы, жилые зоны и рабочие контуры располагались так, чтобы каждый элемент был связан с другим и при этом оставался на своём строго отведённом месте.

В центре находился сектор управления — самое плотное и важное ядро города, где располагались главные органы системы. Вокруг него тянулись остальные сектора, жилые кластеры, медицинские и технические службы, а дальше — более удалённые и закрытые территории. Город не расплзался в стороны беспорядочно, а собирался кольцами и дугами, где каждое следующее пространство было продолжением предыдущего.

Подобно тому, как города связывались транзитными магистральями, внутренние сектора Конкордии объединялись транспортными и пешеходными линиями. Плавные круговые узлы создавали ощущение замкнутой, самодостаточной структуры, где всё на своём месте и ничто не существует случайно.

По всему Южному Альянсу меньше кричали и почти не

разводились. Здесь не было трупов и почти не было насилия. Здесь дети вырастали в мире, где слово «любовь» по-прежнему существовало, но означало что-то ближе к «совместимости», «устойчивости», «одобренному союзу». Здесь человека с детства приучали к мысли, что однажды система увидит его истинную совместимость лучше, чем он сам.

Про остальной мир словно забыли: привычной власти не было, ИИ полностью взял на себя контроль над всеми сферами жизни. Пока за пределами Южного Альянса «полюхал» мир, внутри строилось новое общество, уверенное в том, что за его границами жизни больше нет. Пропаганда работала отлично — многие верили в то, что это спасение.

И всё же даже в таком мире оставалось нечто, что не укладывалось ни в одну формулу. Потому что никакой порядок не может до конца приструнить человеческое сердце. Он может запугать его, может научить молчать, может заставить притворяться послушным, но не способен гарантировать, что однажды оно не выберет вопреки расчёту.

Глава 1.

Элин Крейн проснулась оттого, что кто-то дышал ей прямо в рот. Она дёрнула головой, зарылась глубже в подушку, но нос тут же оказался у неё под глазом, а затем лапы пробежали по одеялу. Донеслось фыркание.

— Лиирааа, — провыла Элин, сгребая в объятия свою любимицу.

Лира чихнула и начала радостно облизывать хозяйку, показывая виляющим хвостом, как рада её пробуждению. Девушка открыла глаза.

Собачья морда была к ней так близко, что виднелись розовая точка на краю носа и тонкие белые волоски над бровями. Одно чёрное ухо клонилось чуть набок. Элин замечала это каждое утро и всегда улыбалась этим мелочам, как чему-то очень важному.

Бездомных животных в Конкордии не было. Домашнего питомца можно было взять только через «Главный центр домашних компаньонов» — так официально называлось место, куда приходили те, кто хотел выбрать себе животное. Система не подбирала питомца за человека: это по-прежнему оставляли в зоне личного решения. Но после выбора животное закреплялось за владельцем в реестре — с идентификатором, медицинским профилем, маршрутом наблюдения и правом проживания в конкретном жилом кластере.

Это считалось допустимой формой привязанности, не опасной для социальной устойчивости.

— Ты победила. Встаю.

Лира тут же спрыгнула и понеслась к окну, словно именно это и было целью всей операции.

Комната ещё держала в себе медленно ускользящий аромат ночи. На письменном столе, стоявшем справа от окна, лежал раскрытый блокнот. Элин вчера зачем-то записывала в него номера коробок от руки, хотя потом всё равно перенесла всё в линк. Люди совместили телефоны, компьютеры и записные книги в одном устройстве — линке. Внешне он напоминал смартфон. Сеть в Конкордии была общая, как такового «интернета» не существовало, но поддерживать общение с помощью линка люди могли: был единый мессенджер для переписок и звонков.

В комнате Элин всегда было чуть больше живого, чем в остальном доме. Горшки, бумага, тёплая керамика, сухие травы в банке у стены, колба с мхом, которую она приобрела однажды просто потому, что ей понравился тёмный, влажный цвет. В доме семейства Крейн всё остальное стояло как надо, работало как надо, дышало ровно и тихо.

Не спеша она села на край кровати, стоявшей у противоположной от стола стены, и посмотрела в окно. Улыбнувшись, накинула на себя кардиган, подаренный мамой. В доме явно ощущалась утренняя прохлада уходящего лета.

«Наверное, терморегулятор барахлит, нужно сказать от-

ду», — подумала Элин и подошла к окну.

Окно в её комнате было особенным — и не только потому, что широкий подоконник с мягким настилом позволял сидеть и любоваться видами прибрежной Конкордии. Из него открывался вид на внутренний двор, через который был виден дом семьи Рид. А окно Кайла, сына Льюиса и Мариши Рид, было почти напротив окна Элин, чуть наискосок, но это никак не мешало обзору.

Семьи Крейн и Рид жили в кластере Вереск-1 ранней сопряжённой устойчивости, в южной жилой зоне Вереск. Их дома стояли по разные стороны одного внутреннего двора. Это был один из тех образцовых кластеров, которыми Конкордия особенно гордилась: светлые фасады, зелёные стены, тихие дорожки, вода в биоканалах, удобство во всём.

В Альянсе кластер не являлся кварталом или микрорайоном в старом смысле. Он состоял из определённого количества домов и был рассчитан как замкнутая, устойчивая среда для конкретного типа гражданской жизни. Система не просто селила людей рядом друг с другом — она собирала кластер как формулу: возраст жителей, семейный статус, тип занятости, ритм рабочих маршрутов, уровень бытовой нагрузки, вероятность конфликтов, даже привычный уровень шума, света и движения в течение дня. Жилые зоны Конкордии отличались друг от друга архитектурой кластеров. В Вереске дома были одноэтажные, один дом принадлежал одной семье. В других жилых зонах было иначе.

Элин задержала взгляд на окне Кайла и с улыбкой скользнула к выключателю. В комнате зажёгся свет — так она подала сигнал. Через пару секунд штора в окне Кайла полностью сдвинулась, и теперь они улыбались друг другу через расстояние внутреннего двора. Лира твякнула у стекла — негромко, скорее для порядка.

— Да, — вздохнув, сказала Элин. — Я понимаю.

Она быстро задёрнула штору и направилась вниз к завтраку.

Элин спускалась медленно. Лира бежала впереди, то и дело оборачиваясь и виляя хвостом. Коридор на первом этаже был узким, с панелями из светлого дерева — почти белёсого, с едва видимым рисунком волокна. Томас, отец Элин, выбирал его сам три года назад, когда отделку меняли по плановому регламенту кластера.

Коридор плавно перетекал в кухню-гостиную, соединяя с ней лестницу и санузел. На кухне горел не весь свет — только над столом и рабочей поверхностью. Остальное ещё оставалось в утренней серой тишине. Большое восточное окно держало мягкий рассеянный свет со стороны общественного сада, и лучи ласкового солнца постепенно проникали вглубь дома.

Стол был длиннее, чем нужно для троих. Томас объяснял это практичностью: место для документов, для модулей, для случайных гостей. Гости почти не бывало. На конце стола, где обычно сидел Томас, уже висела рабочая панель: нагруз-

ки по кластерам, семейные коэффициенты, бытовые перерасчёты.

Алисия помешивала что-то на плите и одновременно читала рабочий лист, держа его в левой руке чуть выше уровня глаз и немного наклонив голову. Так она читала, когда текст был сложным или когда в нём было что-то, что не отпускало внимание. Когда Элин вошла, Алисия обернулась, положила лист на столешницу и с мягкой улыбкой подошла обнять дочь.

— Доброе утро, милая. Как спалось? — с нежностью в голосе спросила она.

— Доброе утро, мамуль. Прохладно в комнате, наверное, терморегулятор сбоит, нужно сказать папе. — Элин улыбнулась, отстраняясь после объятий. — Жутко голодная. Что у нас на завтрак?

— Рисовая каша с персиками, дорогая.

Элин обожала рисовую кашу с персиками, как и всё, что готовила её мама. Алисия готовила весьма недурно — без какого-то особого энтузиазма, просто с любовью.

Томас спустился через несколько минут уже полностью собранным. Рубашка застёгнута на все пуговицы, браслет допуска на запястье, серьёзное выражение лица сулило настрой на продуктивную работу и, как обычно, на отсутствие желания поболтать. В детстве Элин думала, что он не просыпается постепенно, как обычный человек, а скорее переключается, как машина, из режима «выкл.» в режим «вкл.».

Заходя на кухню, он поцеловал Элин, сидевшую за столом в ожидании завтрака, в макушку, быстро обнял жену и сел за рабочую панель.

Томас работал в «УЖУ» — Управлении Жилой Устойчивостью, в подразделении сектора семейной нагрузки и жилого распределения. Здание, в котором он работал, было с неявным оливковым оттенком, имело большие окна, пропускавшие уйму дневного света, и шесть трёхметровых этажей. В общем, оно впечатляло своей высотой, но вот в ширину было совсем небольшим.

УЖУ отвечало за жилые кластеры, распределение семей, бытовую логистику, коммунальные нагрузки, ресурсную устойчивость, переселение, расчёт семейной и демографической нагрузки. Томас работал там вот уже двадцать пять лет, его всё устраивало. На обеденном перерыве он обычно прогуливался со своим братом Адамом, работавшим в Управлении Социальной Адаптации, здание которого располагалось рядом. Адам был младше Томаса на пять лет, жил в соседнем кластере Вереск-2 со своей женой и двумя дочерьми. УСА следило за тем, чтобы дети воспитывались внутри нормы, отвечало за эмоциональную дисциплину и подготовку к Церемонии, проводило профилактику отклонений, формировало гражданское согласие. Адам часто рассказывал своему брату о правильности воспитания детей, поэтому Томас всегда был осведомлён о том, как именно он должен воспитать Элин.

Время в ожидании завтрака, пока Лира крутилась у ног и облизывала коленки, каждый раз казалось очень подходящим для того, чтобы смотреть на родителей, анализировать их совместимость, думать о том, что они чувствуют и что чувствовали тогда, когда встретили друг друга. В доме Крейн не принято было начинать такие разговоры, потому что Томас был уверен: они повлекут за собой сомнения дочери в востребованности правил, установленных в Конкордии.

Система свела его с Алисией в двадцать один год. Они были тем поколением, которое появилось на свет уже после всех переломных событий. Только живой тяги в доме всё равно не хватало, хоть и ладили они с Алисией очень славно. Никогда не спорили, не ругались, поддерживали друг друга в мыслях и идеях, просто были скорее компаньонами или хорошими приятелями.

Алисия работала в «АКК» — Архиве Культурной Консервации, в подразделении личных свидетельств и доцифровых носителей. Она разбирала старые письма и дневники, личные карточки и бумаги доцифровой эпохи. Алисия, в отличие от Томаса, совершенно спокойно переживала то, что ей назначали человека без её собственного выбора. Она плакала, злилась, мысленно обрекала себя на страдания, но всё равно смело приняла выбор системы. Ей повезло, в каком-то смысле, потому что Томаса ей подобрали вполне удачно, и обещанные самой себе страдания в реальность не воплоти-

лись — осталась лишь слабая тоска. Повезло и потому, что к моменту Церемонии её сердце не было кем-то занято.

— У нас во второй партии странные пометки, — сказала Алисия, расставляя чашки с кашей. — Нештатные. Кто-то правил уже после первичной оцифровки.

Томас поднял глаза.

— Ты знаешь, что нужно сразу доложить об этом. Пусть разбираются сами.

— Нет, сначала я хочу разобраться. Может, я смогу понять, кто их оставил.

Он положил ладони на стол, переплёл пальцы, нахмурился и посмотрел на супругу.

— Ты снова копаешься в обход протокола, а потом, если на этот раз уже не пронесёт, будешь жалеть.

— Если бы я всегда шла только по протоколу, половина вашего образцового прошлого давно бы рассыпалась в труху.

Он не ответил сразу. Посмотрел на неё, потом на Элин, как будто та тоже каким-то образом участвовала в этом разговоре. Ему не нравилось, что Алисия будто не понимала важности правильного воспитания дочери — такого воспитания, как велит система. Томас никогда не был скандальным или грубым, скорее мнительным и верным порядку.

Элин опустила взгляд в тарелку и стала есть кашу быстрее. В голове у неё замелькали отрывки воспоминаний. Южный фонд. Письма. Мокрая бумага. Память зацепилась сразу, как заусеница за ткань.

Два года назад Элин проходила свою первую настоящую стажировку. Система определила её в Архив, точно так же, как и мать. Герметизация в нижнем хранилище пошла по шву: влага полезла в сектор с личными письмами доцифровой эпохи. Из модуля инфраструктурной диагностики, относящегося к Службе Транспортной Диагностики, прислали стажёров в качестве помощи для переноса бумажных материалов в сухое место, пока поломку не устранят.

Элин стояла на коленях у нижнего шатающегося стеллажа и тянула застрявшую коробку с письмами на себя, когда за спиной раздалось:

— Не так. Подожди.

Она обернулась и увидела его. Кайл стоял в тёмной куртке стажёра в двух метрах от неё, его тёмные влажные волосы держали капли у висков. Он подошёл ближе и наклонился так близко, что можно было разглядеть янтарную радужку глаз и ямочки, появившиеся от улыбки.

— Позволишь осмотреться? — не переставая улыбаться, сказал он.

Элин подвинулась в сторону, уступая ему место. Осмотрев стеллаж, он сказал:

— Не первая течь? И почему это старьё не утилизировали, ножка ведь отсырела! Обычное дерево... — Кайл медленно покачал головой. — Сейчас я зафиксирую стеллаж, а ты достанешь коробку, и потом можешь уходить отсюда, с остальными я сам справлюсь.

После этого дня он начал появляться рядом слишком часто, чтобы можно было продолжать верить, будто это случайность. Элин и Кайл выросли в одном кластере, но всегда были не больше чем просто соседи и никогда не общались, как и их родители. Но тот день, та встреча будто изменили всё сразу: они оба посмотрели друг на друга уже иначе...

— Элин. — Голос Алисии выдернул её обратно. — Ты намазала хлеб джемом. Чего не ешь? О чём задумалась?

Элин опустила взгляд и обнаружила, что совсем забыла о куске хлеба с клубничным джемом, а джем тем временем норовил сбежать по её пальцу. Она быстро управилась с беглецом и, допив чай, направилась в комнату за сумкой с рабочими принадлежностями.

Томас загрузил посуду в посудомоечный блок, крепко обнял Алисию, а после отстранился, держа её за плечи, и сказал:

— Ты же знаешь, как важно подать правильный пример Элин. На носу Церемония, у нас не должно быть проблем.

— Знаю, Томас. Просто мне кажется, что она и так что-то скрывает от нас. Я хочу быть ей другом, показать, что я тоже живая и мне можно доверять. — Алисия склонила голову с особой грустью, будто тосковала по какому-то своему прошлому, а не грустила об Элин.

— Система позаботится о ней, ей найдут достойного человека, и наша дочь будет в порядке, а ты сможешь видаться с ней каждый день на работе.

— С чего ты взял, что ей предназначен человек из нашего или соседнего кластера? Вдруг ей придётся покинуть нас и уехать далеко? — Алисия взволнованно обернулась на лестницу, переживая, что Элин может услышать.

Элин в это время как раз подслушивала их разговор, сидя у перил лестницы на втором этаже. Церемония — то, чего она очень боялась, ведь они с Кайлом любили друг друга, и она не могла допустить, чтобы их разлучили. Раньше они не переживали об этом — времени было навалом. Но сейчас, когда осталось так мало времени...

Томас надел куртку, проверил браслет допуска, поцеловал Алисию и взглянул на неё так, будто просил поговорить с дочерью в нужном ключе. Он всегда уходил на работу первым. Элин спустилась пожелать отцу хорошего дня, а он коснулся ладонью её плеча и, выходя за дверь, сказал:

— Днём поешь нормально.

— Вас двое, — ответила Элин с улыбкой. — Не дадите забыть.

Томас улыбнулся в ответ, перевёл взгляд на Алисию и, выдержав ещё секунду, закрыл дверь.

Спустя время Алисия с дочерью тоже вышли из дома и направились в Архив. На улице пахло солью и влажным камнем. С побережья тянул лёгкий ветер, дорожки после ночного увлажнения ещё поблёскивали. У края биоканала росла низкая трава с бледными, почти прозрачными цветками нежно-розового оттенка. На живом фасаде соседнего дома

шевелились мелкие листья, и вода, стекая по ним, капала в узкий лоток у стены.

Из дома напротив, будто совсем случайно и в то же самое время, вышел Кайл. Элин увидела его раньше, чем успела вернуться или сделать вид, что не ждала. Тёмная куртка диагностической службы, застёгнутая только до середины, рабочий рюкзак через плечо, волосы, которые идеально лежали даже при такой влажности, сосредоточенный вид и злобный батончик в руке. Кайл всегда перекусывал по дороге на работу батончиком.

Он шёл быстро, но, сделав вид, что только заметил их, чуть сбавил шаг.

— Доброе утро, сегодня свежо. — Кайл улыбнулся.

— Доброе, Кайл, — ответила Алисия.

— Доброе, — сказала Элин, делая вид, что не испытывает огромной бурлящей радости внутри. — Люблю свежесть и прохладу.

Кайл улыбнулся ещё шире, но почти сразу убрал эту вырвавшуюся эмоцию.

Он посмотрел на Элин более явно: сначала в глаза, потом на губы, затем на шею у воротника, сглотнул и снова посмотрел в глаза.

— Вы рановато сегодня, — сказал Кайл, переводя взгляд на Алисию. — Много работы?

— Поступила новая партия, — сказала Алисия. — Лучше не тянуть.

— Тогда вам не позавидуешь. — Кайл снова посмотрел на Элин. — У тебя снова письма?

Она не сразу поняла, что задержала дыхание и что волнение прошибло её с головы до ног. Это было тем личным, что вряд ли было бы положено знать обычному соседу. Со временем становилось всё труднее скрывать чувства, труднее отказываться от прикосновений и взглядов.

— Да, вчера разбирала партию, не могла оторваться. Представляешь, один человек писал своей сестре тринадцать лет, — ответила Элин, — а ответа ни разу не поступило.

— Да уж, грустная история. Надеюсь, каждый, кто желает соединиться или найтись с кем-то определённым, получит желаемое.

На этих словах у Элин по коже побежали мурашки. Было очевидно, что они адресованы ей. И Элин понимала: сейчас они допустили большую и очень заметную ошибку. Алисия повернула голову с особым интересом.

— Тебе куда сегодня? — спросила она у Кайла.

— Восточный узел. Потом нижний сервисный. — Кайл сглотнул, но постарался не подать вида, что занервничал. Он понимал, что нужно завершать разговор.

— Что-то стряслось?

— Проверка давления. Может, и ничего.

Он сказал это ровно, но палец предательски поёрзал по обёртке батончика несколько раз, прежде чем рука успокоилась. Элин видела этот жест слишком часто, чтобы не узнать:

сейчас Кайл очень нервничает.

— Ну, — спокойным голосом сказала Алисия, — не будем задерживать.

Кайл кивнул, секунду не двигался, потом пошёл. У поворота оглянулся — не всем корпусом, только головой. Элин успела заметить, как он на ходу поправил воротник, а после поймала себя на мысли, что пялится слишком подозрительно для простой соседки.

Они двинулись дальше. Алисия шла рядом и молчала так долго, что Элин уже выдохнула, подумав, что вопросов не последует и они с Кайлом остались незамеченными. Но вдруг Алисия спросила:

— Давно это у вас?

Элин остановилась. У самой кромки дорожки качнулся белый цветок и ткнулся ей в ботинок. Она не подняла головы сразу, только сунула руку глубже в карман, нащупала пропуск в рабочий модуль и сжала его.

— Я не... — Элин вытащила руку из кармана и тут же снова сунула обратно. Пропуск в ладони стал мокрым.

Алисия шла рядом, чуть ближе к краю дорожки, чтобы не задевать влажную траву. Солнечные лучи уже полностью выбрались из-за дальних фасадов, улицы потихоньку заполнились людьми, идущими по своим делам.

— Я не понимаю о чём ты. — Больше Элин ничего не смогла сказать.

Алисия молча кивнула в ответ, будто сама не торопилась

говорить, а обдумывала и анализировала. Они вышли из жилой зоны к пешеходной линии, ведущей в сторону Архивного сектора.

Здесь Конкордия уже ощущалась иначе. Дома были расположены не так близко друг к другу, как в жилых зонах, между ними были заложены полосы низких деревьев, открытые участки воды, дорожки из светлого композита, который после дождя почти не темнел. По левую руку вдалеке тянулся сектор Управления, а перед ним, ближе к пешеходной линии, располагались магазинчики и центры развития.

В Конкордии остались небольшие отголоски малого бизнеса, находились люди, желающие воплощать творческие идеи. Некоторым везло — система определяла в них устойчивый талант, творческий потенциал и предпринимательскую жилку, поэтому разрешала открывать собственные магазины, центры развития и творческие студии. В одном из таких магазинов Элин как раз и приобрела мох в колбе. Система не препятствовала тому, чтобы люди развивали собственное дело, просто со временем былой мир стал настолько чужим, что большинству это было неинтересно. По правой стороне располагались другие кластеры: люди шли там бесшумно, отдельными фигурами и издалека казались почти одинаковыми.

Главная пешеходная линия была одной из самых красивых улиц Конкордии: большой простор, идеально выложенная плитка, красиво и симметрично посаженные деревья, ку-

старники и цветы. Биоканалы, небольшие пруды, красивые аллеи, уходящие от пешеходной линии вглубь идеально ровных скверов. Дальше по пешеходной линии можно было попасть в Архивный Сектор. Там построили Архив Культурной Консервации, а совсем неподалёку, у самого побережья, расположили Прибрежный Экологический Сектор.

Здание Архива выглядело красивым. У Элин каждый раз захватывало дух, когда открывался вид на него. Фасады были отделаны матовыми панелями светлого каменно-песочного оттенка, стеклом и узкими вертикальными ламелями, которые резали свет на длинные ровные полосы и делали здание легче, чем оно было на самом деле. По боковым стенам спускались каскады встроенной зелени, но очень дозированно — не так, чтобы скрыть архитектуру, а так, чтобы смягчить её строгость. Главный вход вёл через широкую светлую платформу, вынесенную над водой, и из-за этого создавалось ощущение, будто Архив стоит не на земле, а на границе двух сред. Ниже начиналась другая архитектура — более глухая, тяжёлая, почти лишённая стекла. Эта часть уходила вниз, под уровень воды, и именно из-за неё всё здание казалось странно вытянутым в глубину, а не в высоту.

Архив Культурной Консервации стоял у искусственного исследовательского водоёма. Нижние герметичные ярусы Архива были опущены ниже уровня водоёма ради тишины, ровной температуры и защиты хрупких носителей от резких колебаний внешней среды. Вода выравнивала температуру,

гасила вибрации, работала как элемент аварийной защиты и снижала нагрузку на климатические системы хранения.

Дойдя до здания, Алисия заговорила, остановившись у платформы:

— Я спрашиваю не потому, что хочу тебя поругать.

Элин подняла голову, ступила на платформу и замедлила шаг, чтобы не торопиться заходить в Архив. Справа от платформы в воду спускались технические лестницы, которыми пользовались только сервисные группы. Левее, за тонкой стеной стекла, начинался нижний реставрационный ярус. В ясные дни оттуда иногда можно было увидеть движение людей — словно они работали не в здании, а внутри самой воды.

— Я знаю, — ответила Элин, полностью развернувшись к маме лицом.

Алисия посмотрела не на неё, а на Архив.

— Тогда не заставляй меня вытаскивать это из тебя клещами.

Элин провела языком по губам. Соль с воздуха уже осела на коже тонкой плёнкой.

— Не сейчас.

Алисия кивнула и притянула дочь к себе. Прижимая Элин к груди, она глянула на камеры у входа в Архив и тихо проговорила ей на ухо:

— Будь осторожна, милая, и помни, что я всегда на твоей стороне.

Они прошли по платформе дальше и вошли в здание. На входе, под высоким стеклянным навесом, уже проходили люди из утренней смены: кто-то с коробками, кто-то со стопками бумаг, кто-то с линком в руках. Элин приложила браслет к рамке доступа. Рамка мягко мигнула, и стеклянная створка ушла в сторону.

Внутри Архив всегда пах одинаково — сухой бумагой, тканью, нейтральным раствором для очистки поверхностей и особой прохладой. Звуки здесь тоже были другими: не тише, а аккуратнее. Элин с мамой работали в разных модулях, но на одном уровне. Они с Алисией разделились у внутреннего коридора, обменявшись тёплыми улыбками и договорившись встретиться за обедом.

В своём модуле Элин сразу увидела Миранду. Та уже была на месте, хотя обычно опаздывала на пару минут. Миранда стояла у рабочего стола и как-то взволнованно перекладывала стопку картонных карточек с места на место. Светлый хвост, собранный на затылке, съехал чуть ниже, передние пряди выбивались и лезли на глаза. Одета она была не как обычно — в нарядные платья, а в рабочий комбинезон, который использовала для садоводства у себя дома.

С ней явно было что-то не так. Элин обратила на это внимание сразу и ускорила шаг к подруге, чтобы выяснить, в чём дело.

Миранда была старше Элин на три года и жила в том же кластере Вереск-1, только в самом дальнем доме, у северного

края, где уже начинались переходы к Вереску-2. В детстве это расстояние казалось огромным, но они всё равно ходили друг к другу в гости и даже устраивали ночёвки. О ночёвках им рассказала Алисия: она вычитала об этом в Архиве, когда разбирала стопку личных дневников девочек из прошлого века. Да, такого добра тоже хватало — в Конкордию то и дело поступали откуда-то новые материалы.

— Ты что-то рано, — сказала в шутку Элин, снимая куртку. — На целых пять минут раньше пришла.

Миранда так резко подняла голову, что карточки в её руках разъехались веером.

— Мира, я, конечно, понимаю, что ты старше, но вроде в твоём возрасте ещё не должны трястись руки. — Элин посмеялась.

Но Миранда даже не улыбнулась в ответ. Она уселась в кресло с таким видом, будто знала о конце света, о котором не знал никто.

Элин замерла с курткой в руках.

— Что?

— Ничего. То есть не ничего.

Миранда всё-таки встала, потом сразу села обратно, потянулась к линку, убрала руку обратно, прикусила губу и посмотрела на Элин глазами, полными сожаления, а после опустила взгляд. На её столе уже лежала стопка мелких личных писем, завязанных выцветшей лентой, но Миранда даже не развязала её. Это само по себе было странно. Она не отно-

силась к работе спустя рукава и вовсе не любила излишних страстей, а сейчас выглядела так, словно вся её жизнь была сплошной драмой. И если уж она начинала ёрзать на месте, значит, внутри у неё действительно что-то скреблось.

— Да что случилось, Миранда?! — практически завопила Элин. — Говори уже, не нужно меня мучить.

Миранда шумно выдохнула через нос.

У неё была редкая для Конкордии удача — на Церемонии Сопряжения для неё выбрали человека, которого она не просто научилась терпеть, а действительно полюбила, и он любил её. Элин считала, что Миранда именно поэтому позволяла себе думать, будто она не такая, как все. А возможно, она и правда была такой. Миранда действительно казалась чуть свободнее, чуть проще.

Люк, муж Миранды, работал в Управлении Сопряжения и Совместимости. Миранда говорила о его работе скупно, без деталей, и обычно этого было достаточно, чтобы Элин не задавала вопросов.

— Люк вчера видел предварительные списки, — сказала Миранда.

Элин повесила куртку на спинку стула очень ровно, так, будто от точности этого движения что-то зависело.

— Миранда.

— Я знаю.

— Не надо так начинать.

— А как? — Миранда наконец подняла на неё глаза. —

Как это вообще начать нормально?

В модуле было тихо. Только в дальнем конце один из работников едва слышно шелестел бумагой, перебирая чьи-то записи. За стеклом, в соседней секции, кто-то прокатил тележку с коробками, колёса тихо постукивали на стыках пола. У Элин застучало в висках. Она осторожно села на стул и положила руку на сердце. Сглотнув, нахмурила брови, опустила руки на колени и обратилась к подруге:

— Говори.

Миранда сжала пальцами край стола.

— Тебе уже назначили пару.

Слова вошли в воздух и повисли там, не оседая. Элин не пошевелилась.

— Кто?

— Парень из другого кластера. Люк сказал, что его зовут Мэтью.

Элин смотрела на ленту на письмах, лежавших у Миранды на столе. Та была бледно-синяя, почти серая, в одном месте надломленная от старости.

— Милая, хочешь, мы дойдём до моей мамы? Как ты себя чувствуешь? — спросила Миранда.

Элин отрицательно замотала головой.

Мама Миранды работала в Медико-Биометрическом управлении, находившемся справа от здания Архива, примерно в полукилометре. Всё, что Медико-Биометрическое управление собирало о человека, должно было сразу по-

ступать в систему. Там вели биометрические профили, сверяли гормональные колебания, просчитывали репродуктивную совместимость, держали под контролем нейроповеденческие сдвиги, сопровождали пары после Церемонии Сопряжения и, вероятно, знали о любом гражданине столько, сколько сам гражданин о себе не знал. Миранда виделась с мамой нечасто, в основном только тогда, когда приходила на проверки здоровья, а теперь они с Люком ещё и проходили программу подготовки организмов к зачатию и родам.

На каком-то этапе формирования новой системы EVA-9 пришла к выводу, что лучше всего будет постановить запрет на отношения до Церемонии — во избежание сердечных ран и беспорядочных половых связей. Главный упор делался на образование и развитие важных социальных навыков. Конечно же, это не соблюдалось, просто делалось скрытно. Что касается контрацепции, в Конкордии ребёнку почти сразу после рождения вшивали репродуктивный адаптер — мягкий биоадаптивный механизм, который рос вместе с телом и снаружи никак не выдавал своего присутствия. До определённого возраста он оставался почти неактивным, и только когда организм входил в фазу созревания, механизм начинал работать в полную силу. Причём работал он у каждого по-своему: EVA-9 не запускала его по общей возрастной отметке, а ждала, пока тело само подаст нужные сигналы. У кого-то он включался раньше, у кого-то позже, в зависимости от темпа развития, гормонального фона, биометрических и

нейрофизиологических показателей.

Механизм не ломал естественный цикл и не вредил организму. Созревание шло своим чередом, гормональный ритм сохранялся, организм проходил все положенные ему фазы, но адаптер не позволял зачатию завершиться. Он временно блокировал биохимическое распознавание между клетками, то самое «узнавание», без которого слияние не могло дойти до результата, а также защищал от любых инфекций.

Благодаря регулярным проверкам, ранней диагностике и уровню медицинских технологий, болезни, передающиеся половым путём, почти исчезли как явление, и всё же адаптер имел встроенный защитный режим: на всякий случай он отслеживал чужеродные патогены и не позволял им закрепляться в слизистых тканях. Система не любила оставлять даже минимальную вероятность там, где можно было предусмотреть дополнительную защиту.

После Церемонии Сопряжения адаптер не вынимали, его переводили в другой режим. Если сопряжённая пара решала, что готова к ребёнку, они подавали запрос, проходили совместную оценку, и тогда система открывала так называемое репродуктивное окно. В этом режиме адаптер уже не блокировал зачатие, а, наоборот, помогал организму: синхронизировал биологические ритмы, снижал риск раннего отторжения и отслеживал критические показатели.

— Это предварительное закрепление. Не публичное ещё, но Люк бы не сказал, если бы не был уверен. Мэтью, насколько

ко мне известно, из Осоки-3.

Кластеры Осока были предназначены для тех, кто работал с выращиванием, сортировкой, регенерацией почвенных смесей, распределением пищевых потоков и всем тем, что в Конкордии называли устойчивым продовольственным контуром. Жилая зона Осока находилась далеко, на другом конце Конкордии, а это означало, что Элин переедет туда и система, скорее всего, перераспределит её в другой рабочий модуль.

Элин медленно втянула воздух. Потом ещё раз: первый вдох застрял где-то под горлом, второй прошёл ниже.

— А Кайл?

Миранда опустила глаза.

— Ему ещё никого не закрепили. У него не закрыты финальные тесты. Какой-то последний блок по совместимости и нейроповеденческому профилю. Люк сам толком не знает или не сказал мне. Прости, мне так жаль... Церемонию назначали на тридцатое ноября...

Элин встала так резко, что стул сдвинулся на несколько сантиметров назад и мягко заскрипел по полу.

Миранда тоже поднялась.

— Тише.

— Тише?

— Элин, пожалуйста.

Элин отвернулась к окну модуля. Из него был виден только узкий кусок воды и нижняя часть внешней стены Архива

— та, что уходила в воду без видимого конца. На поверхности качнулась тонкая полоска света, и у неё перед глазами на секунду стало почти темно, как в тот момент, когда слишком быстро выныриваешь из глубины.

— Три месяца... Церемонию назначали на тридцатое ноября, значит, осталось всего три месяца... — прошептала Элин.

Иногда она думала о том, что если ей не суждено быть с Кайлом, то уж лучше отправиться в Сектор Коррекции Отклонений. Туда направляли работать тех, кому система не подобрала пару, словно уже сам этот факт делал человека пригодным для жизни в месте, где всё построено вокруг исправления ошибок. Говорили, что те, кто уезжал туда по распределению, обратно не возвращались. Не потому, что их запирали физически (по крайней мере, так никто не формулировал), а потому, что сама логика этого места была устроена иначе: замкнутая среда, закрытые допуски, служебное жильё, внутренний цикл. Те, кто попадал внутрь, оставались частью сектора, как детали, которые однажды вставили в механизм и больше не вынимали.

Официально Сектор Коррекции Отклонений занимался сопровождением отказавшихся от Церемонии, обработкой нестабильных профилей, изоляцией несовместимых отклонений, выведением субъектов из активной среды, аннулированием доступа и прекращением гражданской видимости. Никто не знал, что происходит с теми, кого туда передают;

просто человек однажды исчезал из реестров, маршрутов, бытовых линий, из всех мест, где его можно было бы встретить, и постепенно — из разговоров тоже.

— Я не знала, как сказать, — прошептала Миранда. — Думала, скажу сразу. Потом думала, может, дождаться обеда. Потом увидела тебя и поняла, что если не сейчас, то я вообще...

Элин провела ладонью по лицу, пальцы оказались ледяными. Она медленно вздохнула.

— Элин...

— Всё нормально.

Нормально не было. Ничего в теле не говорило о нормальности. Элин начало потрясывать. Она вдруг очень отчётливо поняла, что времени больше нет, что все их тайные встречи с Кайлом, все взгляды, улыбки, короткие прикосновения и слишком долгое молчание рядом — всё это теперь стоит на краю чего-то, что движется в пропасть быстрее, чем она успевает моргнуть.

— Ты должна сказать ему, — тихо сказала Миранда. — Вы вместе придумаете что-нибудь. Я спрашивала у Люка, может ли он что-то поменять, помочь, но он сказал, что не получится.

Элин закрыла глаза на секунду. Она нежно произнесла его имя у себя в голове и увидела Кайла так ясно, будто он стоял здесь, в модуле, за соседним столом, и сейчас собирался подойти к ней, чтобы успокоить, обнять, сказать, что всё бу-

дет хорошо. Рука на ремне рюкзака, волосы ещё влажные от утреннего воздуха, спокойный голос, мягкий взгляд и нежный поцелуй в ямочку над ключицей.

— Да. — Элин вздохнула. — Хотелось бы верить в то, что это возможно.

Она задвинула стул к столу и направилась ближе к окну.

Миранда молча наблюдала за тем, как Элин ходит из стороны в сторону. Повезло, что сегодня в модуле были только они вдвоём и ещё одна женщина, настолько поглощённая своей работой, что не замечала активных обсуждений двух подруг. Элин маячила туда-сюда, пока вдруг резко не схватилась за голову, а после подбежала к Миранде и, встряхнув её за плечи, нервно затараторила:

— Сегодня его направят на дополнительную половину смены, поэтому он будет дома поздно. Завтра он с семьёй уезжает в другую жилую зону на празднование юбилея тётки, и мы тоже не увидимся толком. Но раз за мной закрепили пару, значит, сегодня-завтра пришлют уведомление о собрании, а раз так, послезавтра в полдень я иду на собрание. После него родителей соберут вместе, и мы останемся на какое-то время одни.

Проговорив это на одном дыхании, Элин жадно втянула новую порцию воздуха и уставилась на Миранду. Подруга слабо кивнула. Конечно, такие собрания проводили раньше и регулярно: общая информация, бытовые инструкции, предварительные формальности, маршрут на сам день Це-

ремонии. Семьи на это время освобождали от работы, после основной информации оставались только родители для уточнения ряда деталей.

— Кайл будет там, — сказала Элин. — Если его профиль почти закрыт, семья всё равно получит вызов. Их приглашают ещё до окончательного закрепления пары.

Миранда смотрела на неё молча, не совсем понимая к чему она ведёт.

— Я скажу ему послезавтра, — произнесла шёпотом Элин. — Мы что-нибудь придумаем, не знаю, может, сбежим или ещё что. Может, за пределами Конкордии всё же есть жизнь?

Миранда округлила глаза и притянула подругу за воротник ближе.

— Ты совсем больная, Эл? Какая жизнь за пределами Конкордии, как ты себе это представляешь? — Миранда лёгким движением словно оттолкнула Элин обратно.

Девушки смотрели друг на друга молча. Обе понимали, что система требовала доносить о такого рода высказываниях, тем более никто не исключал, что линки прослушивались.

— Думай, что говоришь! — злобно прошипела Миранда, указывая кивком на лежащий рядом линк.

Элин одёрнула себя. Она понимала, что перегибает палку, но не могла должным образом контролировать эмоции. Томас всегда говорил своей жене, что в этом плане они недо-

глядели за дочерью, не воспитали в ней истинный стержень Конкордии.

— Хорошо, хорошо, прости, — зашептала Элин, — я просто очень нервничаю. Это ощущается так, словно, если я сейчас не сообщу Кайлу, за эти пару дней уже случится Церемония и нас разлучат.

Она отодвинула стул и снова упала в него.

— Эл, ты же знаешь, что я всегда на твоей стороне. Мы с Люком поможем всем, чем сможем, но ты тоже не перегибай. Я сегодня вечером поговорю с ним. Мой муж хороший человек, возможно, подскажет что-то. Не всем повезло так, как нам, мы это понимаем, поэтому искренне сочувствуем. Только прошу, не торопись и будь осторожна: ты владеешь информацией, которой не должна владеть, помни это.

Элин послушно кивнула и развернулась на стуле к столу. Она хотела продолжить разбирать вчерашние письма, но руки совсем не слушались. Помучившись так ещё минут тридцать, она хлопнула ладонями по столу, вскочила, схватила куртку и направилась к выходу со словами:

— Нет, Мира, я так не могу. Я пойду к нему сейчас.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.